II. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467–489. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-467-489.

Valeev D. Kh., Nuriev A. G. Elektronnyy dokumentooborot v sfere pravosudiya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Electronic Document Flow in the Field of Justice in the Digital Economy]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 45. Pp. 467–489. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-467-489.

УДК 347.91

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-467-489

**ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк

Д. Х. Валеев

Доктор юридических наук, профессор,
заместитель декана юридического факультета
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0002-3233-2400

ResearcherID: K-7345-2016

E-mail: valeev55@gmail.com

А. Г. Нуриев

Кандидат юридических наук, доцент,
руководитель аппарата Конституционного суда Республики Татарстан
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0001-7373-5938

ResearcherID: M-2136-2013

E-mail: anasnuriev@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.06.2019

Введение: цифровые данные становятся фактором, способным повлиять на юридические последствия совершаемых действий. Процесс «цифровизации» в нашем государстве имеет два направления. Первое направление, «тактическое», предполагает невозможность игнорирования изменения привычного уклада жизни, сопряженного с неразрывной связью многих повседневных операций с использованием цифровых технологий. Происходит процесс совершенствования цифровой среды путем ситуационного правового регулирования. Второе направление предполагает выработку комплексного подхода с указанием ориентиров развития и точек контроля, которое можно назвать «стратегическим». Реализация «стратегического» направления предполагает наличие комплекса эффективных правовых инструментов, способных обеспечить решение основной задачи

© Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., 2019

– сделать цифровые данные ключевым фактором развития на всех участках общественных отношений. Особенностью правового регулирования в условиях цифровой экономики является возникновение зависимости между цифровыми технологиями, открывающими новые коммуникационные перспективы, и системой правовых регуляторов, обеспечивающих возможность их использования. Изменения в материальных отраслях права, обусловленные «цифровизацией» общественных отношений не могут не влиять и на процессуальные отношения, призванные обеспечить неукоснительное соблюдение норм материального права. Процессуальные отношения, так же как и материально-правовые отношения, с учетом достижений и возможностей цифровых технологий претерпевают определенную трансформацию: появляются новые возможности для реализации процессуальных прав и обязанностей; имеющиеся правовые инструменты наполняются новым содержанием. При этом процессуальные отношения, публичные по своей природе, имеют строго установленную последовательность действий, алгоритм, предполагающий невозможность «тактического» направления развития «цифровизации» процессуальных отношений, так как изменения на этапе одной из стадий, а также в части возможностей процессуальных действий, сопряженных с применением цифровых технологий в одной из стадий, неизбежно влекут системные изменения, которые влияют на цель судопроизводства – правильное и своевременное рассмотрение дела. Цифровизация общественных отношений невозможна также без оценки рисков факторов, которые могут возникнуть в результате внедрения достижений цифровых технологий, что предполагает построение классификатора рисков, влияющих на реализацию конституционного права на судебную защиту. **Цель:** разграничить по процессуальным последствиям потенциал применения цифровых технологий в процессуальных отношениях на электронный документооборот в сфере правосудия и электронное правосудие в условиях цифровой экономики. **Методы:** методологическую основу исследования составили общие положения наук цивилистического процесса, конституционного процесса, административного процесса. Использовались следующие методы научного познания: диалектический, социологический. **Заключения / выводы:** по результатам исследования выделены два критерия, которые позволяют провести разграничения, связанные с применением цифровых технологий в процессе отправления правосудия и выделить электронный документооборот в сфере правосудия и электронное правосудие: уровень нормативного регулирования возможности использования цифровых технологий и субъект, реализующий свои публичные полномочия на основе применения возможностей цифровых технологий. Также выделены три группы рисков, возникающих в условиях цифровой экономики при реализации доступа к правосудию и отправлению правосудия.

Ключевые слова: цифровые технологии; электронный документооборот в сфере правосудия; электронное правосудие; цифровая экономика; информационное общество; трансформация процессуальных отраслей

ELECTRONIC DOCUMENT FLOW IN THE FIELD OF JUSTICE IN THE DIGITAL ECONOMY

The research was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No. 18-29-16147 mk

D. Kh. Valeev

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia

ORCID: 0000-0002-3233-2400

ResearcherID: K-7345-2016

E-mail: valeev55@gmail.com

A. G. Nuriev

Constitutional Court of the Republic of Tatarstan
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia

ORCID: 0000-0001-7373-5938

ResearcherID: M-2136-2013

E-mail: anasnuriev@yandex.ru

Received 27.06.2019

Introduction: digital data are becoming a factor that can influence the legal consequences of actions taken. The process of 'digitalization' in our state develops in two directions. One direction, 'tactical', implies the impossibility of ignoring the changes in the usual way of life associated with the inextricable connection of many routine operations with the use of digital technologies. There takes place a process of enhancing the digital environment, through situational legal regulation. Another direction, which can be called 'strategic', involves the development of an integrated approach with an indication of the development benchmarks and control points. The implementation of the 'strategic' direction presupposes the existence of a complex of effective legal instruments capable of providing the main task – making digital data a key factor for development in all areas of social relations. A specific feature of legal regulation in the digital economy is the emergence of a relationship between digital technologies, opening up new communication opportunities, and a system of legal regulators, providing the possibility of their use. Changes in the substantive branches of law caused by 'digitalization' of social relations cannot but influence the procedural relations designed to ensure strict compliance with the norms of substantive law. Procedural relations, as well as substantive relations, taking into account the achievements and possibilities of digital technologies, are undergoing a certain transformation: there are appearing new opportunities for the implementation of procedural rights and obligations; existing legal instruments are being filled with new content. At the same time, procedural relations, public in nature, have a strictly established sequence of actions, an algorithm suggesting the impossibility of implementing the 'tactical' direction in the 'digitalization' of procedural relations, since changes made to one of the stages and (or) the possibilities of procedural actions associated with the use of digital technologies at one of the stages inevitably entail systemic changes that ultimately affect the purpose of the proceedings - the correct and timely consideration of the case. Digitization of social relations cannot also occur without an assessment of the risk factors that may arise as a result of the introduction of digital technologies, which implies the need to construct a classifier of risks that affect the exercise of the constitutional right to judicial protection. **Purpose:** to categorize the potential for the application of digital technologies in procedural relations in terms of procedural consequences and thus distinguish between the electronic document flow in the field of justice and electronic justice. **Methods:** the methodological basis of the research was formed by the general provisions of the sciences of the civil process, constitutional process, and administrative process. The following methods of scientific cognition were used: dialectical, sociological. **Conclusions:** based on the research results, two criteria have been identified that make it possible to perform differentiation concerning the use of digital technologies in the administration of justice and thus distinguish between the electronic document flow in justice and electronic justice (e-justice). These criteria are the level of regulatory control over the use of digital technologies and the entity exercising its public powers through the application of these technologies. There have also been identified three groups of risks arising in the digital economy when accessing justice and in the administration of justice.

Keywords: digital technologies; electronic document flow in justice; e-justice; digital economy; Information society; transformation of procedural branches

К вопросу об общих направлениях цифровизации общественных отношений в Российской Федерации

Цифровизация общественных отношений становятся одним из факторов их развития на современном этапе. Цифровые данные – фактором, способным повлиять на скорость управленческих решений, качество оказываемых услуг и, как следствие, на результат совершаемых действий. Влияние современных информационных и телекоммуникационных технологий на юридические процедуры не может оставаться в стороне от научно-технического прогресса. Можно сказать, что процесс «цифровизации» в нашем государстве имеет два направления. Первое направление, назовем его условно «тактическое», предполагает невозможность игнорирования изменения привычного уклада жизни повседневные операции связаны с использованием различных гаджетов, осуществляющих комплекс вычислительных операций, что делает многие рутинные процессы ненужными и лишними. Происходит процесс совершенствования передачи информации, как одного из инструментов цифровизации общественных отношений, и цифровой среды в целом, которая, согласно ГОСТ Р 52292-2004, рассматривается как среда логических объектов, используемая для описания (моделирования) других сред (в частности, электронной и социальной) на основе математических законов¹.

Скорость и способы передачи информации делают ее доступной, становятся ключевым фактором во всех сферах жизнедеятельности, обогащая новым свойством транспарентности многие направления общественных отношений. Все это является результатом цифровизации и выступает важной гарантией стабильности информационного общества. Следуя легальному определению, информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления, которые могут являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений для свободного использования любым лицом, если федеральными законами не установлены ограничения доступа либо иные

требования к порядку ее предоставления или распространения². В. Б. Малинин определяет информацию как совокупность сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их предоставления, воспринимаемых человеком непосредственно или с помощью специальных устройств. По мнению автора, законодательные системы государств, включая США и страны Европейского союза, российское специальное законодательство в области распространения информации посредством информационных и коммуникационных технологий находится на самом начальном этапе развития [10, с. 125]. Как отмечает ряд зарубежных авторов, в настоящее время невозможно представить улучшение какой-либо сферы без использования в совокупности современных технологий и информации, без широкого внедрения элементов Четвертой промышленной революции [20], без вдумчивого обсуждения вопросов предоставления информации средствами современных цифровых технологий, распределения рисков и путей поощрения ответственных инноваций в сфере высоких технологий [26].

Однако, как отмечает Е. А. Палехова, несмотря на попытки законодателя соответствовать уровню развития в части современного общества и информационных технологий, правовое регулирование в данной области нельзя признать достаточным. Достижение должного уровня правового регулирования невозможно без использования современных информационных технологий, передачи информации в электронной (виртуальной) форме, новых цифровых объектов, идентификации цифровых объектов и многого другого. Понятия «цифровая экономика», «цифровизация» на государственном уровне, «цифровизация» при составлении договора и проверки документов контрагента, «цифровизация» между субъектами правоотношений формируются и не урегулированы [16, с. 47]. Необходимо понимать, что наличие эффективного механизма правового регулирования информации – это усиление общественного контроля и, как результат, формирование среды доверия, в которой существуют все ус-

¹ Об утверждении ГОСТ Р 52292-2004. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения: приказ Ростехрегулирования от 29 дек. 2004 г. № 135-ст. М.: ИПК «Издательство стандартов», 2005. 15 с.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ст. 3448.

ловия для реализации государством своей основной конституционной задачи: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Это достигается в том числе благодаря тому, что информация, облакаемая в цифровую форму, становится доступной большинству населения за короткое время.

Как отмечает М. Х. Дугужева, эпоха глобализации характеризуется широкими цифровыми возможностями. В настоящее время российское общество заинтересовано в получении информации высокого интеллектуального качества. Цифровизация, как и любой процесс оптимизации, перехода на новый инновационный уровень развития общественных отношений в различных сферах экономики и духовной жизни человека, требует нормативного регулирования и охраны со стороны государства. Без системы законодательного обеспечения невозможно эффективное функционирование государственного механизма [6, р. 192]. Как подмечает автор, инновационный уровень развития должен быть обеспечен эффективной системой правовых средств, способных урегулировать изменяющиеся правила поведения, с учетом возможности использования достижений цифровых технологий.

В зарубежной доктрине вопрос цифровизации находится также в актуальной повестке дня. Отмечается, что цифровизация – это огромная возможность. Цифровизация может привести к появлению новых бизнес-моделей, появлению новых конкурентов, более качественных и более дешевых продуктов и услуг [29, р. 349]. Правовые нормы не поспевают за скоростью технологических инноваций и, принимая европейские стандарты относительно защиты данных в коммуникационных сетях, стоит изучить альтернативные способы управления, такие как стандартизация или продвижение определенных социальных норм, и выйти за рамки традиционных правовых субъектов и механизмов, понимая, что не существует единственного решения для адаптации права и управления к современным технологиям [25]. При этом цифровизация создает не только проблему правового регулирования, но методологическую проблему для международной юридической науки [21].

Следовательно, правовые инструменты не могут быть архаичными, так как их основная

цель – это регулирование общественных отношений. Если мы не можем обеспечить эту цель, правовой инструмент утрачивает свое значение и перестает быть регулятором. В этом аспекте, например, может вызвать недоумение у участников судебного разбирательства реакция судьи на предложение Истца ознакомиться со страницей Ответчика в социальной сети через его же смартфон. Какие действия должен предпринять судья, чтобы стороны не поставили под сомнение критерии относимости и допустимости при оценке доказательств? Направление «тактическое», требующее каждодневной реакции на изменение общественных отношений в силу их «цифровизации», открывает широкие возможности для усмотрения правоприменителя, которое может отличаться фрагментарностью, противоречивостью. Безусловно, оперативное регулирование необходимо, но очень важно определить ориентиры, которые будут указывать вектор развития правовых инструментов в эпоху «цифровизации».

Примером «тактического» развития может служить постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова»¹, направленное на установление обладателя информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в отношении пользователя с интернет-сервисом, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации. Орган конституционного контроля при рассмотрении данного дела пришел к выводу, что норма оспариваемого закона не может рассматриваться как наделяющая правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, статусом обладателя информации в отношении сведений, содержащихся в сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями по электронной почте, или в отношении информации, которую пользователи хранят с помощью данного интернет-сервиса, и позволяет рассматривать как нарушение прав и

¹ Собрание законодательства Рос. Федерации. 2017. № 45, ст. 6735.

законных интересов обладателя информации действия гражданина, осуществившего – вопреки установленному правовыми, в том числе локальными, актами (с которыми гражданин был ознакомлен) и (или) договорами запрету – передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты, если обладатель информации принял все необходимые меры, исключающие несанкционированный доступ к этой информации третьих лиц.

Данная правоприменительная позиция имеет важное значение для регулирования общественных отношений в эпоху «цифровизации». Но необходимо признать, что до принятия этого решения, являющегося окончательным и сформировавшим практику применения оспариваемой нормы, на практике имели место противоречивые позиции судов общей юрисдикции по аналогичной категории дел. Все это обуславливает важность второго направления, предполагающего выработку комплексного подхода с указанием ориентиров развития и точек контроля, которое можно назвать «стратегическим».

Как следует из указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹, Стратегия определяет цели, задачи и меры в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов. При этом само информационное общество разработчиками стратегии рассматривается как общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. Главным направлением является развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации и формирование информационного пространства, под которым понимается совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимо-

действия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры. Приоритетный сценарий развития информационного общества в России предполагает создание государством благоприятных условий для применения информационных и коммуникационных технологий, совершенствование законодательства, административных процедур (в том числе в электронной форме).

Правительством РФ от 2 марта 2019 г. № 234 принято постановление «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”»² в целях реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и входящих в ее состав федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики», «Цифровое государственное управление», «Информационная инфраструктура» и «Информационная безопасность». Ответственным за реализацию национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

В данном случае можно говорить о «стратегическом» направлении «цифровизации» общественных отношений. Кроме того, для определения цели, целевых и дополнительных показателей национальной программы, задач и результатов национальной программы применительно к федеральным проектам принят Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³, содержащий конкретные сроки реализации этапов национальной программы. Так, например, федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» в качестве задачи определяет создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе к каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий с крайним сроком реализации одной из мер 31 декабря 2020 года.

² Там же. 2019. № 11, ст. 1119.

³ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратег. развитию и нац. проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹ Собрание законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

Реализация «стратегического» направления предполагает наличие комплекса эффективных правовых инструментов, способных обеспечить основную задачу – сделать цифровые данные ключевым фактором развития на всех участках общественных отношений. С этой целью в действующую систему нормативных регуляторов вводятся новые нормы, способные отвечать потребностям цифровой экономики и дальнейшему внедрению современных цифровых технологий во все сферы общественных отношений в рамках правового поля.

Особенностью правового регулирования в условиях цифровой экономики является зависимость между цифровыми технологиями, открывающими новые коммуникационные возможности, и системой правовых регуляторов, обеспечивающих возможность их использования. Все это приводит к тому, что достижение желаемого правового результата ставится в зависимость от наличия технических средств и возможностей, необходимых для достижения результата.

Цифровизация процессуальных отношений

Цифровизация общественных отношений предполагает структурные и качественные изменения системы правовых регуляторов. Можно даже встретить мнение, правда, в иностранной литературе, о необходимости принятия Декларации цифровых прав для соблюдения прав человека в цифровом контексте [27]. Очень важно осознавать, что внедрение современных цифровых технологий в правовое поле должно отвечать основному принципу – «законности». То есть любая возможность использования цифровых технологий, урегулированных нормами права, должна опираться на систему иерархично выстроенных источников права. При этом, как показывает опыт внедрения цифровых технологий, данный уровень не всегда должен быть законодательным, важно соблюдение иерархичности и соответствия подзаконного регулирования действующим законам, которые, в свою очередь, соответствуют Основному закону государства – Конституции РФ. Любое применение цифровых технологий, таким образом, возможно только в случае их инкорпорирования в действующую систему регуляторов.

Как отмечает S. Bechtold, за последние десять лет законодатели и суды во всем мире создали всеобъемлющую правовую базу по управлению цифровыми правами. Реальная инновация систем управления цифровыми правами заключается не в защите контента с помощью технологии или каких-либо других средств защиты. Скорее именно совокупность различных средств защиты (технологии, контракты, технологические лицензии, правила защиты от обхода и традиционная защита) обуславливает уникальные особенности цифровых прав [22, р. 323]. Здесь отечественная правовая система еще далека от проработки таких терминов, как «цифровые права» [23], «управление цифровыми правами» [24]. Как следует из данных, содержащихся в программе «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ по индексу I-DESI, в области внедрения цифровых технологий предприятиями Россия значительно отстала от Европейского союза, немного опередив Турцию, Китай и Мексику. Однако последние три года отмечены важным прорывом в области внедрения в систему правовых регуляторов норм, устанавливающих механизм взаимодействия субъекта права с определенными цифровыми технологиями с тем, чтобы данное взаимодействие имело определенное правовое последствие.

Так, с 1 октября 2019 года вступят в законную силу поправки в Гражданский кодекс РФ², вводящие в оборот категорию «цифровые права», содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы; предусматривается возможность совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, и в качестве общих условий исполнения обязательств может быть предусмотрено исполнение ее сторонами путем применения информационных технологий, определен-

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 32, ст. 5138. (Утратило силу).

² О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Там же. 2019. № 12, ст. 1224.

ных условиями сделки, но в то же время устанавливается и прямой запрет на определенную область общественных отношений, которые не могут быть опосредованы цифровыми технологиями: не допускается, например, составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств.

Изменения в материальных отраслях права, обусловленные «цифровизацией» общественных отношений, не могут не влиять и на процессуальные отношения, призванные обеспечить неукоснительное соблюдение норм материального права. Процессуальные отношения, так же как и материально-правовые отношения, с учетом достижений и возможностей цифровых технологий претерпевают определенную трансформацию: появляются новые возможности для реализации процессуальных прав и обязанностей; имеющиеся правовые инструменты наполняются новым содержанием. При этом процессуальные отношения, публичные по своей природе, имеют строго установленную последовательность действий, алгоритм, предполагающий невозможность «тактического» направления развития «цифровизации» процессуальных отношений, так как изменения на этапе одной из стадий, а также в части возможностей процессуальных действий, сопряженных с применением цифровых технологий в одной из стадий, неизбежно влекут системные изменения, которые в итоге влияют на цель судопроизводства – правильное и своевременное рассмотрение дела.

Определяя в качестве одной из задач развития судебной системы транспарентность правосудия, Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹ ключевым индикатором обозначает количество судов, реализующих возможность электронного взаимодействия с обществом (частными и юридическими лицами), используя систему электронного правосудия. Отправление правосудия в РФ, в соответствии со статьей 118 Конституции РФ, осуществляется в четырех формах: конституционного, гражданского, административного, уголовного судопроизвод-

ства. В каждом из видов судопроизводства возможность использования цифровых технологий как определенный инструмент достижения правового результата различна, но во всех четырех формах отправления правосудия такие инструменты присутствуют. Поэтому все изменения, происходящие в процессуальной сфере, обусловленные внедрением цифровых технологий, получили собирательное название «электронное правосудие».

Не раскрывая в рамках данной статьи понятие «электронное правосудие» [1; 17], отметим, что в доктрине существуют два подхода: 1) узкое понимание «электронного правосудия» как совокупности способов отправления правосудия с использованием технических средств цифровой обработки данных [7; 13] и 2) комплексное понимание «электронного правосудия» как совокупности институциональных (организационных) и процессуальных (правовых) элементов, направленных на решение задач судопроизводства в условиях формирования и развития информационного общества [2].

Соответственно при любом подходе к пониманию «электронного правосудия» ключевым стало определение возможностей информационной инфраструктуры по реализации конституционного права на судебную защиту, характеризующегося значительным объемом правовых требований и гарантий. Одним из основных направлений развития электронного правосудия является облегчение доступа к судебным процедурам и их открытость для информационного общества [3; 5].

При этом исключительно важно находить симбиоз между технической возможностью и соответствием этих технических условий требованиям законодательства, в первую очередь процессуального, характеризующегося значительным объемом правовых требований и гарантий, нацеленных на реализацию конституционного права на судебную защиту. По утверждению А. В. Аносова, одним из основных направлений развития электронного правосудия является облегчение доступа к суду в условиях больших пространств России и ускорение документооборота [3, с. 241]. Безусловно, стремление к ускорению документооборота, обусловленное внедрением элементов электронного правосудия и наличием технической

¹ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: постановление Правительства Рос. Федерации от 27 дек. 2012 г. № 1406 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1, ст. 13.

возможности направления в суд данных в цифровой форме по защищенным каналам связи, должно осуществляться не только исходя из технической возможности и «целесообразности», но в первую очередь из понимания положений статьи 46 Конституции РФ, закрепляющих, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Это означает, что технические регламенты и технические этапы, являющиеся неременным сопровождением «электронного правосудия», должны внедряться и функционировать с учетом формализма процессуальных отношений и важности конституционных положений.

Элементы электронного правосудия в конституционном судопроизводстве

В рамках конституционной юстиции можно выделить следующие элементы электронного правосудия, которые были введены Федеральным конституционным законом от 8 июня 2015 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹:

1) возможность реализации одного из элементов конституционного права на судебную защиту – право на иск (право на предъявление иска) в электронном виде: *а)* посредством заполнения специальной формы на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в порядке, определяемом Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации, *б)* в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. В случае направления обращения в электронном виде прилагаемые к нему документы и иные материалы также представляются в электронном виде, при этом приложения копий обращения, документов и иных материалов не требуется (ст. 36²);

¹ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституц. закон от 8 июня 2015 г. № 5-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 24, ст. 3362.

² О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Там же. 1994. № 13, ст. 1447.

2) наполнение новым свойством транспарентности принципа гласности процессуальных отношений: размещение информации о движении дела в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ст. 51); возможность трансляции заседания в информационно-телекоммуникационной сети Интернет допускается по инициативе Конституционного Суда Российской Федерации или с разрешения Конституционного Суда Российской Федерации по ходатайству лиц, участвующих в деле, присутствующих на заседании. Порядок проведения трансляции устанавливается Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации (ст. 54).

Законодатель, инкорпорируя возможности использования достижений цифровых технологий, прочно вошедших в оборот, в нормативный акт, во всех случаях сделал ссылку на Регламент Конституционного Суда РФ³, который призван обеспечить исполнение законодательных норм посредством установления специальных технических регламентов и требований, соблюдение которых требуется для достижения определенного правового результата. Так, в § 22.1 Регламента установлены правила подачи обращения в Конституционный Суд в электронном виде с использованием системы подачи документов «Обращение в КС РФ», алгоритм создания и проверки личного кабинета пользователя, требования для заполнения формы согласно техническим характеристикам соответствующих полей заполнения. В § 22.2 Регламента установлены правила подачи обращения в Конституционный Суд Российской Федерации в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, устанавливающие требования к формату документа, правила подписания документов. В § 71.1 Регламента определяются правила трансляции заседаний Конституционного Суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

³ Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4.

Элементы электронного правосудия в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве

В рамках гражданского, административного и уголовного судопроизводства элементы электронного правосудия масштабно¹ были внедрены Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»². Во всех трех перечисленных выше видах судопроизводства появилась возможность реализовать свои процессуальные права и обязанности, а в отношении государственных органов – полномочия, используя возможности цифровых технологий. У суда и у лиц, участвующих в судебном деле, появилась возможность возбуждения и трансформации существующих процессуальных отношений в электронном виде посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Кроме этого, был введен ряд норм, устанавливающих особенность применения отдельных элементов электронного правосудия, например, об особенностях движения электронных судебных актов.

Условно «цифровые» нововведения можно классифицировать на следующие блоки:

Первый блок связан с реализацией первого элемента конституционного права на судебную защиту – правом на иск в электронном виде [4; 18]. Данная возможность предполагает упрощение процедуры обращения в судебные органы

путем направления электронного процессуального документа, подписанного электронной подписью, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Примечательным, по аналогии с конституционным производством, является то, что в принятом ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», относительно оставшихся видов судопроизводства предусмотрены изменения и в федеральных законах о введении в действие отраслевых кодифицированных источников³, устанавливающих идентичное и важное с точки зрения разграничения электронного документооборота в сфере правосудия и электронного правосудия в условиях цифровой экономики положение:

«Порядок заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, устанавливается Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в пределах своих полномочий.

Требования к техническим и программным средствам, используемым при выполнении судебных постановлений и иных документов в форме электронных документов и подписании (заверении) их усиленной квалифицированной электронной подписью, к использованию информационно-телекоммуникационной сети Интернет для направления таких электронных документов, иные требования, связанные с использованием документов в электронном виде при рассмотрении дела, перечень таких документов, подлежащих приобщению к делу на бумажном носителе, определяются в порядке,

¹ Изначально в рамках гражданского судопроизводства ряд элементов были внесены в арбитражный процесс, в частности: возможность создания процессуальных документов (искового заявления, отзыва на иск, апелляционной жалобы) посредством заполнения специальной формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет; возможность удаленного доступа к процессу путем использования систем видеоконференц-связи. См.: *О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации*: Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4197. Возможность удаленного доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве была впервые реализована в 2011 году. См.: *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации*: Федер. закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // Там же. 2011. № 13, ст. 1686.

² *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти*: Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Там же. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3889.

³ *О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации*: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 137-ФЗ // Там же. 2002. № 46, ст. 4531.; *О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации*: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 96-ФЗ // Там же. 2002. № 30, ст. 3013.; *О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации*: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ // Там же. 2015. № 10, ст. 1392.; *О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации*: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 177-ФЗ // Там же. 2001. № 52, ст. 4924.

установленном Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в пределах своих полномочий».

Здесь мы наблюдаем некое внутреннее противоречие. Так, в отраслевых источниках установлено (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ; ч. 2 ст. 45 КАС РФ; ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ), что направление электронного документа осуществляется в порядке, установленном законодательством. На уровне законодательных актов установлено, что Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в пределах своих полномочий определяются требования, связанные с использованием документов в электронном виде при рассмотрении дела, что подразумевает отсутствие регулирования на законодательном уровне. Соответственно в отраслевых источниках идет ссылка на направление электронного процессуального документа в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, которое отсылает нас на уровень подзаконного правового регулирования, установленного Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Система таких правовых регуляторов, закрепляющих порядок заполнения формы, требования к техническим и программным средствам, применяемым при направлении электронного документа в суд, установлены единым комплексом норм, вытекающих из приказов Судебного департамента при Верховном Суде РФ: от 29 апреля 2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»¹, от 27 декабря 2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (далее – Порядок)². Как следует из положений приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ, из числа работников аппарата суда назначается лицо, ответственное за обработку документов, поступивших в суд в электронном виде, который после проверки соблюдения требований к техническим и программным средствам, использует

мым при выполнении документов в форме электронных документов, принимает решение о принятии либо об отклонении документов.

Как мы видим, в данном случае возможность реализации конституционного права на судебную защиту, сопряженная с применением цифровых технологий, урегулирована на уровне ведомственных инструкций и принятие решения по данному вопросу поставлено в зависимость от усмотрения работников аппарата суда. Данные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что речь идет не о реализации конституционного права на судебную защиту на основе норм процессуального права, предусматривающую определенный уровень правовых гарантий, а наглядно демонстрируют, что применение цифровых технологий в рамках рассмотрения и разрешения гражданских дел возможно и на уровне аппарата суда, которое не может подпадать под понятие «электронное правосудие», так как правосудие – это монополия судебного органа на реализацию специфичной государственной функции. Соответственно речь идет об электронном документообороте в сфере правосудия, которое предполагает применение цифровых технологий при разрешении гражданских дел, но носит вместе с тем вспомогательный характер, так как дальнейшие действия осуществляются судьей на основе норм процессуального права.

Обоснованность данной позиции подтверждается и материалами судебной практики. Так, Конституционный Суд РФ своим Определением сделал вывод, что ведомственный акт не содержит положений, которые бы позволяли работникам аппарата суда принимать процессуальные решения, реализуя функции по осуществлению правосудия. Тем самым оспариваемые нормы сами по себе не регулируют процедуры судебной защиты в части их особенностей³.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назаренко Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 38 и 39 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», а также пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституц. Суда РФ от 25 окт. 2018 г. № 2546-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Российская газета. 2004. № 246.

² Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

Второй блок предполагает возможность изготовления судебных постановлений, извещений, вызовов и иных документов в форме электронного документа и донесение судом информации до участников процесса посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Указанный блок предполагает выполнение соответствующих действий судьей на основе норм отраслевого процессуального законодательства, при этом нарушение формальных требований, установленных законодательством (например, извещение сторон путем размещения информации в сети Интернет), влечет отмену решения суда в вышестоящей инстанции. Есть все основания предполагать, что в данном случае речь идет об «электронном правосудии».

Третий блок предполагает оценку судом доказательств, представленных в электронном виде, с точки зрения признания их допустимости. Важным является признание в качестве письменных доказательств документов и материалов, выполненных в форме цифровой записи, полученных посредством электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, документов, подписанных электронной подписью. Если копии документов представлены в суд в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников этих документов. Соответственно речь идет о применении судом цифровых технологий в процессе отправления правосудия с целью реализации задачи правильного и своевременного рассмотрения дела.

Как отмечает А. Sethia [28], развитие информационных технологий вызвало немало вопросов в области защиты основных прав и свобод, реализация которых в значительной степени зависит от эффективности процессуального законодательства в целом и допустимости электронных доказательств в частности. По мнению автора, следует выделять четыре вопроса, связанных с допустимостью электронных доказательств, на которые должен ответить правоприменитель при оценке доказательства: 1) противоречие между общими и специальными рамками; 2) предметное содержание условий приемлемости; 3) сертификационные требования; 4) дихотомия первичных и вторичных доказательств.

В любом случае деятельность по оценке допустимости электронных доказательств будет осуществляться судом, рассматривающим дело на основе действующего процессуального законодательства. Нарушение данного базового порядка оценки электронных доказательств и введение в алгоритм оценки доказательств, например, о деятельности сотрудников аппарата суда, пусть и направленное на обеспечение оценки электронного доказательства, могли бы привести к ущемлению прав участников процессуальных отношений и снижению уровня правовых гарантий.

Критерии разграничения «электронного правосудия» от «электронного документооборота в сфере правосудия»

Анализ последних законодательных изменений, реализуемых в рамках национальной программы «Цифровая экономика», затронул все аспекты общественных отношений в том числе и процессуальные отношения, что поставило на повестку дня вопрос отправления правосудия в условиях цифровой экономики.

Как показал анализ конституционного судопроизводства, Регламент Конституционного Суда РФ регулирует вопросы внутренней деятельности и в этой связи роль нормативного регулятора ему не должна быть присуща, в частности он не подлежит опубликованию в официальных источниках издания. Вместе с тем соблюдение требований Регламента приобретает обязательное значение для участников конституционного судопроизводства, намеревающихся, например, обратиться в суд в электронном виде. Следует отметить, что в этом случае речь идет о понижении уровня правовых гарантий для участников процессуальных отношений, а это возможно лишь в одном случае: если мы рассматриваем нормы, устанавливающие определенные правила поведения, сопряженные с применением цифровых технологий, не как элементы «электронного правосудия», требующие законодательного регулирования судопроизводства, а как элементы «электронного документооборота». Все это позволяет заключить, что установление технических норм на уровне подзаконных актов говорит об их служебном, обслуживающем характере как инструментов, обеспечивающих движение элек-

тронного документооборота. Можно говорить о наличии двух составляющих применительно к использованию цифровых технологий в конституционных процессуальных отношениях: с одной стороны, «электронное правосудие», установленное на уровне законодательных актов, и, с другой стороны, «электронный документооборот» в сфере правосудия, установленный на уровне подзаконного регулирования.

Выделенный нами первый блок «цифровых» нововведений в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве – реализация права на иск в электронном виде – демонстрирует, что возможность реализации конституционного права на судебную защиту, сопряженную с применением цифровых технологий, урегулирована на уровне ведомственных инструкций и принятие решение по данному вопросу поставлено в зависимость от усмотрения работников аппарата суда. Данные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что речь идет не о реализации конституционного права на судебную защиту на основе норм процессуального права, предусматривающую определенный уровень правовых гарантий, а наглядно демонстрирует, что применение цифровых технологий в рамках рассмотрения и разрешения гражданских дел возможно и на уровне аппарата суда, которое не может подпадать под понятие «электронное правосудие», так как правосудие – это монополия судебного органа на реализацию специфичной государственной функции. Соответственно речь идет об электронном документообороте в сфере правосудия, которое предполагает применение цифровых технологий при разрешении гражданских дел, но носит вместе с тем вспомогательный характер, так как дальнейшие действия осуществляются судьей на основе норм процессуального права.

Таким образом, применение цифровых технологий в процессе отправления правосудия и применение к этому комплексу правовых регуляторов, сопряженных с соблюдением технических условий, как основания для достижения желаемого правового результата в рамках обобщающего понятия «электронного правосудия», на наш взгляд, не совсем корректно. Нами выделены два критерия, которые позволяют провести разграничения, связанные с применением цифровых технологий в про-

цессе отправления правосудия, и выделить: 1) электронный документооборот в сфере правосудия; 2) электронное правосудие. Соответственно, разграничение следует проводить по следующим критериям:

1. Уровень нормативного регулирования возможности использования цифровых технологий. Электронное правосудие – это уровень урегулирования посредством законодательных актов, как правило, отраслевых процессуальных источников (ГПК РФ, УПК РФ, КАС РФ), в то время как элементы электронного делопроизводства в сфере правосудия установлены на уровне подзаконных актов, имеющих вспомогательный характер (Регламент Конституционного Суда РФ, приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ).

2. Субъект, реализующий свои публичные полномочия на основе применения возможностей цифровых технологий. Электронное правосудие предполагает участие суда как органа, уполномоченного рассматривать и разрешать дела; в свою очередь, электронное делопроизводство в сфере правосудия предусматривает участие сотрудников аппарата суда, обеспечивающих деятельность судебного органа.

**Построение классификатора рисков,
обусловленных влиянием элементов
«электронного правосудия» и «электронного
делопроизводства в сфере правосудия»
на отправление правосудия
и доступ к правосудию**

Рассматривая «электронное правосудие» и «электронный документооборот в сфере правосудия» как деятельность уполномоченных органов, сопряженную с использованием передовых информационно-телекоммуникационных инструментов, зададимся вопросом о том, насколько деятельность властных (публичных) органов зависит от организационных, технических параметров и могут ли цифровые технологии повлиять на характер процессуальной деятельности. В связи с этим актуальным становится построение классификатора рисков, обусловленных задачами цифровой экономики, определяющими, что ключевым фактором развития становятся данные в цифровой форме, в исследуемом контексте влияющие на отправление правосудия и доступ к правосудию. Построение классификатора рисков [8], позво-

ляющего сигнализировать о пробельности в нормативно-правовом регулировании, возможных ошибках правоприменителя и технологических решениях, имеющих неблагоприятные процессуальные последствия, необходимо для оценки состояния судебной системы в условиях цифровой экономики и совершенствования правовых гарантий, направленных на снижение риска.

Попытка построения определенных потенциальных возможностей и рисков, которые могут быть обусловлены внедрением новых технологий и бизнес-моделей, предпринималась и представителями зарубежной доктрины [29, р. 350], которые делали однозначный вывод, что выработка экспертного мнения в определенной узкой области необязательно должна быть сопряжена со знаниями цифровых технологий.

Так, с 2011 года внедрение отдельных элементов электронного правосудия было осуществлено в рамках системы арбитражных судов и на начальном этапе правоприменительная практика выработала различные подходы по защите нарушенного права в зависимости от формы обращения: бумажного либо электронного. Так, в постановлении Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ “О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации”» (абз. 7 п. 2)¹ установлено (хотя в ст. 93 АПК РФ 23 июня 2016 г. уже внесены изменения, позволяющие реализовать свое право в электронном виде), что заявления об обеспечении иска, заявления об обеспечении имущественных интересов (ст. 92, 99 АПК РФ) могут быть поданы в суд только на бумажном носителе. Ходатайство об обеспечении иска, изложенное в исковом заявлении, поданном, в соответствии с частью 1 статьи 125 АПК РФ, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет, считается не поданным в арбитражный суд, при этом в определении о принятии искового заявления (заявления) указывается, что такое ходатайство может быть подано лишь на бумажном носителе. Все это приводит

ло к тому, что желание стороны принять срочные временные меры, направленные на обеспечение иска, реализованного в электронном виде, могло иметь обратный эффект, так как заявление, поданное как срочное, теряло всякий смысл.

В настоящее время, например, статья 139 ГПК РФ прямо предусматривает возможность подачи заявления об обеспечении иска в электронном виде, однако она технологически неосуществима на уровне мировых судей, которые, будучи в силу статьи 4 ФКЗ «О судебной системе РФ»² судами субъектов РФ, не имеют доступа к portalу Государственной автоматизированной системы «Правосудие» и к функционалу подачи документов в суд в электронном виде.

Зависимость реализации отдельных элементов «электронного правосудия» и «электронного документооборота в сфере правосудия» от техногенной сферы актуализируют выявление рисков факторов, могущих повлиять на процесс отправления правосудия. В. А. Ойгензихт под риском понимал также психическое отношение субъектов к возможному результату объективного случая и случайно невозможных действий, выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых, имущественных последствий [15].

Соответственно, внедрение информационных и коммуникационных технологий в процессуальную сферу, объективно может повлечь неблагоприятные последствия, пусть и временные, но чувствительные с точки зрения реализации конституционного права на судебную защиту, что предполагает необходимость предусмотреть средства нейтрализации этих последствий. Н. А. Махутов отмечает, что исследования, оценка соответствия и повышение уровня регулирования безопасности техногенной сферы становятся все более важной задачей науки. Одна из основных задач снижения рисков в проблеме обеспечения техногенной безопасности сводится к введению многопараметрической диагностики состояния объектов [12].

Как отмечает Р. А. Крючков, традиционно изучение риска в праве относится к конкрет-

¹ Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

² О судебной системе РФ: Федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. №1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1.

ным предметным областям. Специфика правовой оценки риска на индивидуальном уровне правового регулирования заключается в том, что риск раскрывается в условиях конкретных обстоятельств. На уровне нормативного регулирования для оценки риска необходим прием абстракции¹ и обобщения экспертного знания. Презумпция риска обозначает потенциальную опасность сценарной неопределенности, основанной на социальном опыте или повторяемости событий, вводит инструменты управления риском, а при определенных обстоятельствах является фактором, влияющим на степень юридической ответственности. Ввиду появления новых вызовов и опасностей изучение рисков явлений и механизмов, позволяющих оказывать на них воздействие, имеет самостоятельную направленность и актуальность. Отсюда следует необходимость построения общетеоретических оснований правовой презумпции риска для повышения эффективности правового инструментария [9]. О. А. Малютина, характеризуя риск, рассматривает его как неотъемлемое свойство правоотношений, являющихся составным элементом предмета правового регулирования. Можно охарактеризовать риск как совокупность событий и действий субъектов права, в числе которых наряду с достижением положительного результата существуют возможности наступления неблагоприятных имущественных последствий [11].

Соответственно выявление рисков факторов, обусловленных внедрением элементов «электронного правосудия», осуществляется на основе анализа возможности реализации конституционного права на судебную защиту с применением информационных технологий. Условно в праве на судебную защиту можно выделить три этапа: 1) право на обращение в суд; 2) право на исправление судебной ошибки и 3) право на исполнение судебного постановления (исключение составляет право на судебную защиту в конституционном судопроизводстве). На всех этих этапах могут быть использованы данные в цифровой форме, которые будут рассматриваться в качестве юридических фактов, образующих юридический состав необходимый для возникновения, изменения и

прекращения процессуальных отношений. Классификатор рисков должен быть выстроен с точки зрения определения центра ответственности за использование данных в цифровой форме на всех трех этапах, что позволит оценить степень влияния указанных данных на трансформацию процессуальных отношений и выработать процессуальные инструменты управления рисками, способными нивелировать их последствия в процессе осуществления «электронного правосудия», которые в силу наличия технической составляющей всегда будут носить вероятностный характер.

Возможная аналогия нивелирования техногенного фактора из опыта цифровизации нотариальных правоотношений

Примером может служить правовой инструментарий, выработанный в нотариальных правоотношениях, где наблюдается активная цифровизация ряда нотариальных действий [14; 19]. В соответствии с положениями главы VII.I Основ законодательства РФ о нотариате², создана единая информационная система нотариата, предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия (обмена). Оператором единой информационной системы определена Федеральная нотариальная палата (ст. 34). Назначение Федеральной нотариальной палаты оператором, ответственным за функционирование реестра также накладывает на нее обязанность по защите информации, под которой, согласно части 4 статьи 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, понимается совокупность мер, направленных на: 1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; 2) соблюдение конфиденциальности информа-

¹ Процесс игнорирования несущественных и выделения важных деталей рассматриваемого явления, для которой мы хотим создать определенную модель.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 фев. 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. № 49.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

ции ограниченного доступа; 3) реализацию права на доступ к информации.

Сведения о совершенном нотариальном действии при их регистрации в реестре нотариальных действий единой информационной системы нотариата вносятся нотариусом незамедлительно (ст. 34.3). Согласно пункту 27 Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата¹, в случае невозможности по объективным причинам осуществить незамедлительную регистрацию нотариального действия в реестре нотариальных действий в день совершения нотариального действия регистрация нотариального действия в реестре осуществляется после устранения причин, препятствующих такой регистрации. Если регистрация нотариального действия в реестре нотариальных действий невозможна по объективным причинам в течение трех рабочих дней, нотариус извещает нотариальную палату соответствующего субъекта Российской Федерации о таких причинах и предполагаемых сроках их устранения. При регистрации совершенного нотариального действия в реестре нотариальных действий ЕИС, в случае сбоя системы, указываются объективные причины, по которым регистрация нотариального действия была невозможна (например: отсутствие электроснабжения, доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, к ЕИС в связи с плановыми профилактическими работами).

Нотариусы, занимающиеся частной практикой, обязаны обеспечивать технические условия для своевременного внесения сведений в единую информационную систему нотариата (34.5).

Таким образом, в нотариальных правоотношениях информация о совершенном нотариальном действии незамедлительно переводится в «цифру» и вносится в единую информационную систему нотариата. При невозможности внесения цифровых данных нотариус извещает оператора единой информационной системы о возникших технических сбоях.

В данной ситуации на уровне подзаконного акта установлены примерный перечень рисков (отсутствие электроснабжения, доступа к

информационно-телекоммуникационной сети Интернет, к единой информационной системе в связи с плановыми профилактическими работами) и алгоритм нескольких вариантов поведения: 1) в случае, отпадения основания для внесения цифровых данных до трех рабочих дней; 2) в случае невозможности внесения цифровых данных в срок более чем трех рабочих дней. Может возникнуть вопрос: чем обусловлена такая регламентация? Это связано с тем, что внесенные в единую информационную систему нотариата цифровые данные уже аккумулируются в публичных реестрах (реестр проверки доверенностей, реестр уведомлений о залоге движимого имущества) и имеют важное правовое значение для стабильности гражданского оборота. Данные реестры открыты в режиме свободно доступа для всех заинтересованных лиц посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Аналогия вполне приемлема и для процессуальных отношений, имеющих конечной целью защиту прав, свобод и законных интересов их участников.

Инструментарий, выработанный в рамках нотариальных отношений, направленный на нивелирование техногенных факторов и, к сожалению, не имеющий аналогов в процессуальных отношениях, несмотря на функционирование отдельных элементов электронного правосудия с 2011 года в системе арбитражных судов, можно транслировать и на процессуальные отношения в контексте определения факторов риска и выработки правовых инструментов, одинаково применимых на всех трех этапах реализации конституционного права на судебную защиту. Все имеющиеся в настоящее время факторы риска, на наш взгляд, можно условно разделить на три группы.

Правовые риски, возникающие в условиях цифровой экономики при реализации доступа к правосудию и отправлении правосудия

К первой группе факторов риска можно отнести возможное постепенное отступление от законодательного регулирования в плоскость подзаконного нормативного регулирования, в силу наличия большого блока технических регуляторов и технических требований, что обусловлено внедрением элементов электронного правосудия.

¹ Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата: приказ Минюста России от 17 июня 2014 г. № 129 // Российская газета. 2014. № 136.

Так, например, согласно пунктам 2.2.1, 2.2.2 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, электронный образ документа создается с помощью средств сканирования. Сканирование документа на бумажном носителе должно производиться в масштабе 1:1 в черно-белом либо сером цвете (качество 200–300 точек на дюйм), обеспечивающем сохранение всех реквизитов и аутентичных признаков подлинности. Файл электронного образа документа должен быть в формате PDF (рекомендуется создавать электронный образ документа с возможностью копирования текста).

Несоблюдение данных технических параметров влечет отклонение в принятии к рассмотрению обращения, поданного в электронном виде, а это, в свою очередь, может привести в цепочке юридических фактов к срыву срока исковой давности либо процессуальных сроков, что подразумевает правовые последствия, имеющие процессуальные последствия для заявителя. При этом в основе будет лежать факт, например, изготовления текста обращения в формате, не предусмотренном Порядком, что, разумеется, означает, что в данном случае заявителем не соблюдено правило поведения, установленное подзаконным нормативным правовым актом.

Этим же подзаконным актом регламентируются правовые последствия, отличные от установленных отраслевым процессуальным законодательством. Так, заявителю направляется уведомление об отклонении его обращения, поданного в электронном виде, если документы нечитаемы, в частности: страницы документа (документов) перевернуты; документ (документы) содержит не все страницы; отсутствует возможность определить наличие всех страниц (подп. 3 п. 4.5 Порядка). При этом отсутствует законодательный механизм обжалования уведомления об отклонении. Согласно «Ответу в порядке внепроцессуального обращения» Нижегородского областного суда от 26 мая 2017 г. №33-18/17¹, «технический отказ в приеме обращения» по своей правовой природе су-

дебным актом либо иным актом, подлежащим обжалованию, не является, обжалование технического отказа не предусмотрено Федеральным законом от 23 июня 2016 г. №220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» и Порядком подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г.

В то же время ГПК РФ (ч. 1 ст. 136) устанавливает, что исковое заявление, поданное в суд без соблюдения требований, установленных в статьях 131 и 132 ГПК РФ, подлежит оставлению без движения. В последнем случае исковое заявление будет считаться поданным, если в отведенный судом срок истец исправит допущенные недостатки [4].

Наличие таких правовых коллизий приводит к необходимости судебного вмешательства. Так, решением Верховного Суда РФ от 30 января 2018 г. по делу № АКПИ17-1019² завершено дело по жалобе гражданина Назаренко М. М. оспорившего Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» на предмет нарушения его прав на справедливое разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, на судебное разбирательство в установленные законом сроки, в силу ограничения его прав на выбор информационных технологий при создании электронных документов, направляемых в соответствии с процессуальным законодательством. Верховный Суд РФ, отказывая в удовлетворении требований, указал, что оспариваемые пункты Порядка не меняют норм правового регулирования, установленных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 131), Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 125) и Уголовно-

¹ Ответ в порядке внепроцессуального обращения от 26 мая 2017 г. №33-18/17: сайт Нижегородского обл. суда. URL: http://oblsudnn.ru/images/documents/obrash/doc2_17.pdf (дата обращения: 26.06.2018).

² Банк судебных решений: сайт Верхов. Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1622554 (дата обращения: 26.06.2018).

процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 474), поскольку не вводят требований, предъявляемых к форме и содержанию искового заявления, административного искового заявления, ходатайства, заявления, жалобы, представления, которые непосредственно определяются процессуальным законодательством Российской Федерации.

Можно заключить, что несоблюдение технических параметров влечет отклонение в принятии к рассмотрению обращения, поданного в электронном виде, а это, в свою очередь, может привести в цепочке юридических фактов к срыву срока исковой давности либо процессуальных сроков, что подразумевает правовые последствия, имеющие процессуальные последствия для заявителя. В основе будет лежать факт, например, изготовления текста обращения в формате, не предусмотренном Порядком, что, разумеется, означает, что в данном случае заявителем не соблюдено правило поведения, установленное подзаконным нормативным правовым актом, которое, исходя из материалов правоприменительной практики, в качестве судебной процедуры не рассматривается.

При этом наличие подзаконного регулирования, имеющего процессуальные последствия, прямо противоречит части 1 статьи 1 ГПК РФ. Согласно указанной норме, порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», настоящим Кодексом и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами, порядок гражданского судопроизводства у мирового судьи – также Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации».

Вторая группа факторов правовых рисков обусловлена возможным отступлением от конституционных положений. Согласно статье 46 Конституции РФ, каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод. В соответствии со статьей 19 Конституции РФ, все равны перед законом и судом. Это означает наличие одинакового объема прав и гарантий сторон при реализации конституционного права на судебную защиту. Вместе с тем конституционное право на судебную защиту с точки зрения права на иск реализуется в различных

объемах в зависимости от формы обращения в суд: бумажной либо электронной.

Так, при подаче обращения на бумажном носителе оно поступает судье, который принимает одно из четырех возможных процессуальных решений исходя из требований норм ГПК РФ. При подаче обращения в электронном виде оно, в соответствии с установленным подзаконным нормативным регулированием, оценивается уполномоченным работником аппарата, который из-за какого-либо технического несоответствия (например, страница перевернута в процессе сканирования) может отклонить поступившее обращение.

Если в обоих случаях действие было совершено в последний день срока исковой давности, то в первом случае речь идет о возможном оставлении искового заявления без движения с последующим исправлением ошибки и получением права на принудительную судебную защиту, а во втором случае – об утрате права на принудительное восстановление нарушенных прав.

Кроме того, при подаче обращения в электронном виде появляются дополнительные основания, связанные с возможностью трансформации процессуальных отношений. Так, согласно пункту 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»¹, при подаче указанных документов в виде электронных образов суд после принятия обращения к производству вправе потребовать представления подлинников данных документов либо их копий, заверенных в порядке, предусмотренном для заверения соответствующих письменных доказательств. При непредставлении подлинников или копий таких документов в указанный судом разумный срок исковое заявление, заявление, административное исковое заявление, жалоба (представление) могут быть оставлены без рассмотрения.

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 57 // Российская газета. 2017. № 297.

Третья группа – организационные и технические риски, возникающие в условиях цифровой экономики при реализации доступа к правосудию и отправлении правосудия. Организационные риски обусловлены определением на законодательном уровне центра ответственности – за использование данных в цифровой форме и обеспечение защиты информации в рамках «электронного правосудия» и «электронного документооборота в сфере правосудия». В настоящее время ряд вопросов, связанных с внедрением отдельных элементов электронного правосудия, нормативно разрешены на уровне приказов Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹. Соответственно было бы логичным закрепление за Судебным департаментом при Верховном Суде РФ функции оператора информационной системы на законодательном уровне – в рамках соответствующего отраслевого процессуального источника, применительно к гражданскому, административному и уголовному судопроизводству.

Технические риски, в отличие от организационных, являются наиболее сложными, с точки зрения их постоянного вероятностного характера. Так, проведение профилактических работ в системе ГАС «Правосудие» может создать трудности с регистрацией поступающих в суд процессуальных документов, при автоматизации процесса регистрации корреспонденции, при том, что процессуальные сроки, как правило, начинают исчисляться с момента поступления в суд.

Вместе с тем считаем абсолютно недопустимым в рамках процессуального законодательства использовать термин «при наличии технической возможности» (например, ст. 214 ГПК). Это прямая преграда на пути «цифровой экономики» в силу того, что реализация элементов «электронного правосудия» предполагает всегда «наличие технической возможности» и прямо вытекает из того, что данные в цифровой форме могут быть использованы в процессе отправления правосудия.

Зависимость совершения процессуальных действий, ограниченных определенными сроками, в течение которых действие будет иметь юридическое значение от технических средств и возможность наступления процессуальных последствий, с точки зрения доступности и функционирования техногенного фактора, предполагает фиксацию каждого действия, совершенного с помощью технических средств, отклонение от нормального хода развития процессуальных отношений в результате сбоя технических средств. Так, для устранения возможных рисков данной группы факторов необходимо установление нормативно закреплённого порядка размещения информации, полученной с использованием государственной автоматизированной системы и определения механизма восстановления прав заявителя, который не смог совершить действие, имеющее правовое значение в результате сбоя в системе либо необоснованного отклонения его обращения, адресованного в цифровой форме, например, на этапе предъявления обращения в суд. К указанной группе факторов рисков также можно отнести вопросы проверки достоверности документов, полученных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Заключение

Цифровые данные становятся фактором, способным повлиять на юридические последствия совершаемых действий. Информация и способы ее передачи, делающие ее доступной, становятся ключевым фактором во всех сферах жизнедеятельности, обогащая новым свойством транспарентности многие направления общественных отношений. В настоящее время невозможно представить улучшение какой-либо сферы без использования совокупности современных технологий и информации, а также без распределения рисков в сфере высоких технологий.

Процесс «цифровизации» в нашем государстве имеет два направления. Первое направление, «тактическое», предполагает ситуационное правовое регулирование, обусловленное невозможностью игнорирования изменений, неразрывно связанных с использованием цифровых технологий и совершенствованием цифровой среды. Второе направление – выработка комплексного подхода с указанием ориентиров развития и точек контроля, которое можно на-

¹ См., например: *Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде*: приказ Судебного департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации от 29 апр. 2003 г. № 36 // Российская газета. 2004. № 246.; *Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа*: приказ Судебного департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации от 27 дек. 2016 г. № 251 // Бюл. актов по судебной системе. 2017. № 2.

звать «стратегическим». Реализация «стратегического» направления предполагает наличие комплекса эффективных правовых инструментов, способных обеспечить решение основной задачи – сделать цифровые данные ключевым фактором развития общественных отношений. Особенностью правового регулирования в условиях цифровой экономики является возникновение зависимости между цифровыми технологиями, открывающими новые коммуникационные возможности, и системой правовых регуляторов, обеспечивающих полноценное их использование. Изменения в материальных отраслях права, обусловленные «цифровизацией» общественных отношений, не могут не влиять и на процессуальные отношения, призванные обеспечить неукоснительное соблюдение норм материального права. Процессуальные отношения, так же как и материально-правовые отношения, с учетом достижений и возможностей цифровых технологий претерпевают определенную трансформацию: появляются новые возможности для реализации процессуальных прав и обязанностей; имеющиеся правовые инструменты наполняются новым содержанием. При этом процессуальные отношения, публичные по своей природе, имеют строго установленную последовательность действий, алгоритм, предполагающий невозможность «тактического» направления развития «цифровизации» процессуальных отношений, так как изменения на этапе одной из стадий, а также в части возможностей процессуальных действий, сопряженных с применением цифровых технологий в одной из стадий неизбежно влекут системные изменения, которые влияют на цель судопроизводства – правильное и своевременное рассмотрение дела.

В соответствии со статьей 118 Конституции РФ, правосудие в РФ осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. При этом возможности использования цифровых технологий как определенного инструмента достижения правового результата различны, но во всех четырех формах отправления правосудия такие инструменты присутствуют. Поэтому все изменения, происходящие в процессуальной сфере, обусловленные внедрением цифровых технологий, получили собирательное название «электронное правосудие».

Как показал анализ нововведений конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, применение к комплексу цифровых технологий вновь введенных правовых регуляторов обобщающего понятия «электронного правосудия», на наш взгляд, не совсем корректно. Нами определены две позиции, что позволяет провести разграничение, связанное с применением цифровых технологий в процессе отправления правосудия: 1) электронный документооборот в сфере правосудия; 2) электронное правосудие. Разграничение следует проводить по следующим критериям:

1. Уровень нормативного регулирования возможности использования цифровых технологий. Электронное правосудие – это уровень урегулирования на основе законодательных актов, как правило, отраслевых процессуальных источников (ГПК РФ, УПК РФ, КАС РФ), в то время как элементы электронного делопроизводства в сфере правосудия установлены на уровне подзаконных актов, имеющих вспомогательный характер (Регламент Конституционного Суда РФ, приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ);

2. Субъект, реализующий свои публичные полномочия на основе применения возможностей цифровых технологий. Электронное правосудие предполагает участие суда как органа, уполномоченного рассматривать и разрешать дела; в свою очередь, электронное делопроизводство в сфере правосудия предусматривает участие сотрудников аппарата суда, обеспечивающих деятельность судебного органа.

Определение факторов риска, возникающих в условиях цифровой экономики при реализации доступа к правосудию и отправлении правосудия, и разделение их на группы необходимо для создания системы гарантий, нацеленных на реализацию конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики. Выявление факторов риска, обусловленных внедрением элементов «электронного правосудия» и «электронного делопроизводства в сфере правосудия» на всех трех этапах реализации конституционного права на судебную защиту: 1) право на иск; 2) право на исправление судебной ошибки и 3) права на исполнение судебного решения – необходимо для выработки правового инструментария, способного нивелировать влияние организационной (технической) стороны, которая всегда будет носить вероятностный характер.

Библиографический список

1. *Авакян Е. Г.* Опыт создания системы электронного правосудия в арбитражных судах РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 6. С. 68–74.
2. *Андрошук В. В., Швед Е. Н.* Понятие «электронное правосудие: постановка проблемы» // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2018: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2018. С. 360–364.
3. *Аносов А. В.* Электронное правосудие как инструмент развития информационной функции государства // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 239–241.
4. *Валеев Д. Х., Нуриев А. Г.* «Допроцессуальный» технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4. С. 56–63.
5. *Голубцов В. Г.* Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170–189.
6. *Дугужева М. Х., Симаева Е. П.* Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2(44). С. 190–208. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208.
7. *Ельчанинова Н. Б.* Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 50–53.
8. *Жуков Б. Б.* «Факторы риска» как фактор риска // Отечественные записки. 2014. № 2(59). С. 112–122.
9. *Крючков Р. А.* Правовая презумпция риска // Современное право. 2009. № 12. С. 56–58.
10. *Малинин В. Б.* Правовое регулирование информации // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3. С. 120–130.
11. *Малютина О. А.* Категория «риск» в предпринимательском праве // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 8(8). С. 57–58.
12. *Махутов Н. А., Гаденин М. М.* Оценка и контроль рисков в техногенной сфере // Партнеры и конкуренты. 2006. № 1. С. 22–26.
13. *Носков И. Ю.* Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации // Современное право. 2011. № 10. С. 120–122.
14. *Нуриев А. Г.* К вопросу о понятии нотариального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 6. С. 22–27.
15. *Ойгензихт В. А.* Категория «риска» в советском гражданском праве // Известия ВУЗ. Правоведение. 1971. № 5. С. 64–70.
16. *Палехова Е. А.* Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Предпринимательское право. Приложение. 2019. № 2. С. 46–49.
17. *Петрова В. В.* Элементы электронного правосудия в АПК РФ // Закон. 2011. № 2. С. 66–72.
18. *Понкин И. В., Редькина А. И.* Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 3 (37). С. 249–259. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259.
19. *Ярков В. В.* Блокчейн и нотариат: опыт первой оценки // Нотариальный вестник. 2017. № 8. С. 36–41.
20. *Akhmetov A. T., Bekisheva S., Syrba A. V., Kainazarova D. B.* Retrospective Review of Information Technologies in the Criminal Code of Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics (JARLE). 2018. Issue 35/IX. Pp. 1545–1550.
21. *Altwick T.* International Legal Scholarship and the Challenge of Digitalization // Chinese Journal of International Law. URL: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmz012> (дата обращения: 03.06.2019).
22. *Bechtold S.* Digital Rights Management in the United States and Europe // The American Journal of Comparative Law. 2004. Vol. 52. Issue 2. Pp. 323–382.
23. *Bowles R.* Digital Rights Management: The Librarian's Guide (Book review) // Journal of the Medical Library Association. 2018. Vol. 106(3). Pp. 394–395.
24. *Galli F.* Digital Rights Ireland as an Opportunity to Foster a Desirable Approximation of Data Retention Provisions // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2016. Vol. 23. Issue. 3. Pp. 460–477.

25. Jozwiak M., Anemaet L. and Hazenberg J. Editorial: Special Issue on Law and Governance in the Digital Era: Data Protection and Beyond // Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law. 2016. Vol. 7 (3), Special Issue / <https://www.jipitec.eu/issues/jipitec-7-3-2016/4508> (дата обращения: 03.01.2019).

26. Keren-Paz T., Cockburn T. and El Haj A. Regulating Innovative Treatments: Information, Risk Allocation and Redress // Law, Innovation and Technology. 2019. Vol. 11. Issue 1. Pp. 1–16.

27. Mathiesen K. Human Rights for the Digital Age // Journal of Mass Media Ethics. 2014. Vol. 29. Issue 1. Pp. 2–18.

28. Sethia A. Rethinking admissibility of electronic evidence // International Journal of Law and Information Technology. Vol. 24. Issue 3. 2016. Pp.229–250.

29. Thorgaard Bitten Sorensen Digitalisation: an Opportunity or a Risk? // Journal of European Competition Law & Practice. 2018. Vol. 9. Issue 6. Pp. 349–350.

References

1. Avakyan E. G. Opyt sozdaniya sistemy elektronnoy pravosudiy v arbitrazhnykh sudakh RF [Development of Electronic Public Justice System in Arbitration Courts of the Russian Federation]. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii – Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2011. Issue 6. Pp. 68–74. (In Russ.).

2. Androshchuk V. V., Shved E. N. Ponyatie “elektronnoye pravosudie”: postanovka problemy [The Concept of “Electronic Justice”: Problem Statement]. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii “Informacionnye tekhnologii i pravo: Pravovaya informatizatsiya – 2018” [Review of the VI International Scientific and Practical Conference Information Technologies and Law (Legal Informatization 2018)]. Minsk, 2018. Pp. 360–364. (In Russ.).

3. Anosov A. V. Elektronnoye pravosudie kak instrument razvitiya informacionnoj funktsii gosudarstva [Electronic Justice as a Tool for the Development of the Information Function of the State]. Obshchestvo i pravo – Society and Law. 2013. Issue 1(43). Pp. 239–241. (In Russ.).

4. Valeev D. Kh., Nuriev A. G. “Doprocessual’nyj” tekhnicheskij etap pred’yavleniya

iskovogo zayavleniya v elektronnom vide i ego osobennosti v kontekste realizatsii konstitucionnogo prava na sudebnuyu zashchitu v usloviyakh cifrovoy ekonomiki [The Pre-Action Technical Stage of Electronic Claim Filing and Its Peculiarities within the Framework of Exercising of the Constitutional Right to Judicial Protection in the Conditions of Digital Economy]. Rossijskij sud’ya – Russian Judge. 2019. Issue 4. Pp. 3–7. (In Russ.).

5. Golubcov V. G. Elektronnyye dokazatel'stva v kontekste elektronnoy pravosudiy [Electronic Evidence in the Context of E-Justice]. Vestnik grazhdanskogo processa – Herald of Civil Procedure. 2019. Issue 1. Pp. 170–189. (In Russ.).

6. Duguzheva M. Kh., Simaeva E. P. Transformatsiya zakonodatel'stva o kul'ture v usloviyakh cifrovizatsii [Transformation of the Legislation on Culture in the Context of Digitalization]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 190–208. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208.

7. El'chaninova N. B. Perspektivy vnedreniya elektronnoy pravosudiy: pravovye problemy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti [Prospects of E-Justice Implementation: Legal Problems of Ensuring Information Security]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law. 2017. Issue 7. Pp. 50–53. (In Russ.).

8. Zhukov B. B. “Faktoy riska” kak faktor riska [‘Risk Factors’ as a Risk Factor]. Otechestvennye zapiski – Domestic Notes. 2014. Issue 2(59). Pp. 112–122. (In Russ.).

9. Kryuchkov R. A. Pravovaya prezumpciya riska [Legal Presumption of Risk]. Sovremennoye pravo – Modern Law. 2009. Issue 12. Pp. 56–58. (In Russ.).

10. Malinin V. B. Pravovoe regulirovanie informatsii [Legal Regulation of Information]. Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal. 2015. Issue 3. Pp. 120–130. (In Russ.).

11. Malyutina O. A. Kategoriya risk v predprinimatel'skom prave [The Category ‘Risk’ in Business Law]. Vestnik Nizhegorodskoy pravovoy akademii – Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law. 2016. Issue 8(8). Pp. 57–58. (In Russ.).

12. Makhutov N. A., Gadenin M. M. *Ocenka i kontrol' riskov v tekhnogennoj sfere* [Assessment and Control of Risks in the Technogenic Area]. *Partnery i konkurenty – Partners and Competitors*. 2006. Issue 1. Pp. 22–26. (In Russ.).
13. Noskov I. Yu. *Vnedrenie elektronnoogo pravosudiya kak vazhnejshee napravlenie sovershenstvovaniya sudebnoj sistemy Rossijskoj Federacii* [Introduction of E-Justice System as the Most Important Area of Improving the Judicial System of the Russian Federation]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2011. Issue 10. Pp. 120–122. (In Russ.).
14. Nuriev A. G. *K voprosu o ponyatii notarial'nogo prava* [To the Issue of the Concept of Notarial Law]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitrazh and Civil Procedure*. 2007. Issue 6. Pp. 22–27. (In Russ.).
15. Ojgenzikht V. A. *Kategoriya "riska" v sovetskom grazhdanskom prave* [The Category of 'Risk' in Soviet Civil Law]. *Izvestiya VUZ. Pravo-vedenie*. 1971. Issue 5. Pp. 64–70. (In Russ.).
16. Palekhova E. A. *Ponyatie informacii i cifrovoj ekonomiki: pravovye aspekty* [The Concept of Information and Digital Economy: Legal Aspects]. *Predprinimatel'skoe pravo – Prilozhenie – Entrepreneurial Law – Appendix*. 2019. Issue 2. Pp. 46–49. (In Russ.).
17. Petrova V. V. *Elementy elektronnoogo pravosudiya v APK RF* [Elements of Electronic Justice in the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation]. *Zakon – ZAKON*. 2011. Issue 2. Pp. 66–72. (In Russ.).
18. Ponkin I. V., Red'kina A. I. *Klassifikaciya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoy nauke* [Classification as a Method of Scientific Research, Particularly in Jurisprudence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017. Issue 3 (37). Pp. 249–259. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259.
19. Yarkov V. V. *Blokchejn i notariat: opyt pervoj ocenki* [Blockchain System and Notarial Service: the Experience of the First Estimation]. *Notarial'nyj vestnik – Notary Herald*. 2017. Issue 8. Pp. 36–41. (In Russ.).
20. Akhmetov A. T., Bekisheva S., Syrbu A. V., Kainazarova D. B. Retrospective Review of Information Technologies in the Criminal Code of Kazakhstan. *Journal of Advanced Research in Law and Economics (JARLE)*. Issue 35/IX/2018. Pp. 1545–1550. (In Eng.).
21. Altwicker T. International Legal Scholarship and the Challenge of Digitalization. *Chinese Journal of International Law*, jnz012. Available at: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jnz012>. (accessed 03.06.2019). (In Eng.).
22. Bechtold S. Digital Rights Management in the United States and Europe. *The American Journal of Comparative Law*. Spring 2004. Vol. 52. Issue 2. Pp. 323–382. (In Eng.).
23. Bowles R. Digital Rights Management: The Librarian's Guide (Book review). *Journal of the Medical Library Association*. July 2018. Issue 106(3). Pp. 394–395. (In Eng.).
24. Galli F. Digital Rights Ireland as an Opportunity to Foster a Desirable Approximation of Data Retention Provisions. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2016. Vol. 23. Issue 3. Pp. 460–477. (In Eng.).
25. Jozwiak M., Anemaet L. and Hazenberg J. Editorial: Special Issue on Law and Governance in the Digital Era: Data Protection and Beyond. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*. 2016. Vol. 7 (3). Special Issue. Available at: <https://www.jipitec.eu/issues/jipitec-7-3-2016/> 4508 (accessed 03.06.2019). (In Eng.).
26. Keren-Paz T., Cockburn T. & El Haj A. Regulating Innovative Treatments: Information, Risk Allocation and Redress. *Law, Innovation and Technology*. 2019. Vol. 11. Issue 1. Pp. 1–16. (In Eng.).
27. Mathiesen K. Human Rights for the Digital Age. *Journal of Mass Media Ethics*. 2014. Vol. 29. Issue 1. Pp. 2–18. (In Eng.).
28. Sethia A. Rethinking Admissibility of Electronic Evidence. *International Journal of Law and Information Technology*. Autumn 2016. Vol. 24. Issue 3. Pp. 229–250. (In Eng.).
29. Thorgaard Bitten Sorensen. Digitalisation: An Opportunity or a Risk? *Journal of European Competition Law & Practice*. June 2018. Vol. 9. Issue 6. Pp. 349–350. (In Eng.).